

## Шарль Перро Спящая красавица

Жил-был король с королевой, и были они бездетны. Это их так огорчало, так огорчало, что и рассказать нельзя. Пили они всякие воды, обеты давали, ходили на богомолье, что ни делали, ничего не помогало. Однако королева-таки забеременела и родила дочь.

Справили богатые крестины. В крёстные матери позвали всех волшебниц, какие только жили в королевстве (счётом их нашлось семь), для того чтобы, по обычаю тогдашних волшебниц, каждая из них сделала маленькой принцессе какой-нибудь посул и чтобы таким образом принцесса была одарена всякими хорошими качествами.

Окрестив принцессу, вся компания возвратилась в королевский дворец, где для волшебниц приготовили роскошное угощение. За прибором каждой из них положили великолепный футляр чистого золота, в котором находились ложка, вилка и ножик, усыпанные бриллиантами и рубинами. Уже садились за стол, как вдруг в зал вошла старая колдунья, которую не приглашали, потому что она уже больше пятидесяти лет не показывалась из своей башни и все считали её умершею или очарованною.

Король приказал поставить и ей прибор, но неоткуда было взять для неё, как для других волшебниц, футляр из чистого золота, потому что таких футляров заказывали всего лишь семь, по числу семи приглашённых крёстных. Старая карга вообразила, что это сделано ей в насмешку, и принялась ворчать сквозь зубы.

Одна из молодых волшебниц, сидевшая возле старухи, услышала её бормотание. Сообразив, что колдунья может сделать маленькой принцессе какой-нибудь недобрый посул, тотчас после обеда она пошла и спряталась за пологом кровати, для того чтобы говорить после всех и таким образом иметь возможность поправить зло, которое наделает колдунья.

Скоро волшебницы начали говорить принцессе свои посулы. Самая младшая пообещала, что она будет красивее всех на свете; вторая – что она будет умна, как ангел; третья – что она будет мастерица на все руки; четвёртая – что она будет отлично танцевать; пятая – что голос у неё будет соловьиный, а шестая – что она с большим искусством будет играть на всяких инструментах.

Когда черёд дошёл до старой колдуньи, та затрясла головою (больше от злости, чем от старости) и сказала, что принцесса проткнёт себе руку веретеном и от этого умрёт. От такого ужасного предсказания все гости затрепетали, и никто не мог удержать свои слёзы.

Но тут молодая волшебница вышла из-за занавесок и громко произнесла:

– Успокойтесь, король с королевою! Дочь ваша не умрёт! Правда, не в моей власти вовсе отменить то, чем пригрозила старая колдунья: принцесса проткнёт себе руку веретеном. Но она не умрёт от этого, а только заснёт глубоким сном, который продолжится сто лет. Тогда придёт молодой королевич и её разбудит.

Однако, несмотря на это обещание, король со своей стороны попробовал устранить беду, напророченную колдуньей. Для этого он сейчас издал указ, которым под страхом смертной казни за неисполнение запретил всем и каждому в королевстве употреблять веретено или даже просто держать веретено у себя в доме.

Лет этак через пятнадцать или шестнадцать король с королевою поехали в свой увеселительный замок. Там принцесса, бегая по комнатам и поднимаясь с одного этажа на другой, взобралась раз под самую крышу, где – видит она – сидит в каморке старушонка и крутит веретено. Эта добрая старушка и слыхом не слыхала, что король наложил на веретено строгое запрещение.

– Что ты, бабушка, делаешь? – спросила принцесса.

– Пряду, дитяtko, – отвечала старушка, которая её не знала.

– Ах, как это славно! – сказала опять принцесса. – Как же это ты прядёшь? Дай-ка, милая, посмотреть, может быть, и я тоже сумею?

Но как только она веретено взяла, так сейчас же руку им себе и проткнула и упала без чувств.

Старушонка перепугалась и давай кричать. Со всех сторон сбежались люди, стали брызгать принцессе в лицо водою, расшнуровывать её, хлопать в ладони, тереть ей виски уксусом – нет, в себя принцесса не приходит. Тогда король, который тоже пришёл на шум, вспомнил пророчество волшебниц и, увидев, что судьбы не минуешь, когда её волшебницы предсказали, приказал положить принцессу в самом лучшем покое дворца на кровать из парчи, золота и серебра.

Точно ангел лежала принцесса, так была она красива, ибо обморок не испортил цвета её лица: щёки были алые, губки как кораллы. Только глазки закрылись... Но ровное дыхание доказывало, что она жива. Король приказал не тревожить сон принцессы, пока не придёт ей час проснуться.

Когда с принцессой приключилась эта беда, добрая волшебница – та, что спасла ей жизнь, заменив смерть столетним сном, – находилась в некотором царстве, в далёком государстве, вёрст тысяч за сорок оттуда, но ей сию же минуту принёс известие карлик в семимильных сапогах (это были такие сапоги, которые отхватывали по семи миль каждым взмахом). Волшебница тотчас пустилась в дорогу и через час приехала в замок на огненной колеснице, запряжённой драконами.

Волшебница одобрила все приказания короля, но так как она видела далеко вперёд, то рассудила, что, проснувшись через сто лет, принцесса будет очень недовольна, если она очутится одна-одинёшенька в старом замке. Поэтому волшебница вот так распорядилась.

Она коснулась своею волшебной палочкою всех, кто находился в замке (кроме короля с королевой), коснулась статс-дам, фрейлин, горничных, придворных, офицеров; коснулась дворецких, поваров, поварят, казачков, гвардейцев, швейцаров, пажей, камер-лакеев; коснулась также лошадей в конюшне с конюхами, больших дворцовых собак и Шарика, маленькой принцессинной собачки, которая лежала возле неё на кровати.

Как только она их коснулась, так все сразу и заснули, и все должны были проснуться вместе со своей госпожой, чтобы служить ей, когда ей понадобятся их услуги. Даже вертелы в печи, униженные куропатками и фазанами, и те заснули, и огонь тоже. Всё это исполнилось в одну минуту: волшебницы умеют хорошо колдовать.

Тогда король с королевой, расцеловав свою милую дочь, вышли из замка и приказали, чтобы никто не смел подходить к нему близко. Впрочем, это и не нужно было приказывать, ибо через четверть часа вокруг замка выросло столько больших и маленьких деревьев, столько перепутанного между собою шиповника и терновника, что ни человек, ни зверь не могли бы сквозь них пробраться. Замок совсем спрятался за этим лесом, виднелись одни верхушки башен, и то издалека. По видимости, и это устроила всё та же добрая волшебница, чтобы сон принцессы не тревожили праздные зеваки.

Через сто лет после того сын короля, который правил тогда королевством и происходил из другой фамилии, охотился в этой стороне и, увидав из-за густого леса верхушки башен, спросил, что это такое? Все отвечали ему по-своему. Один говорил, что это старый замок, где водится нечистая сила, другой уверял, что здесь ведьмы празднуют шабаш. Большинство утверждало, что здесь живёт людоед, который хватает маленьких детей и затаскивает их в свою берлогу, где и ест их без опаски, ибо ни один человек не может за ним погнаться, только он один умеет пройти через лес дремучий.

Королевич не знал, какому слуху верить, как вдруг подходит к нему старый крестьянин и говорит:

– Принц-королевич! Годов тому с хвостиком пятьдесят слышал я от своего батюшки, что в замке том лежит принцесса красоты неописанной, что будет она там сто лет почивать, а что через сто лет разбудит её суженый, молодой королевич.

От таких речей молодой королевич возгорел пламенем. Подумалось ему, что он-то и должен решить судьбу принцессы. И, жаждающая любви и славы, захотел он сейчас же попытаться счастья.

Как только он подошёл к лесу, так все большие деревья, шиповник и терновник сами раздвинулись, давая ему дорогу. Он направился к замку, который виднелся в конце большой аллеи, куда он и вступил. Удивительным показалось королевичу, что никто из свиты не мог за ним следовать, ибо как только он прошёл, так деревья сейчас и сдвинулись по-прежнему. Однако же он продолжал идти вперёд: молодой да влюблённый королевич ничего не боится. Скоро добрался он до большого двора, где всё представлялось взору в ужасном виде: везде тишина, везде лежат люди и животные... Однако, взглядевшись в красные носы и в пунцовые рожи швейцаров, королевич догадался, что они не умерли, а только уснули. И не совсем опрожнённые стаканы с вином показывали, что заснули они за чаркой. Оттуда пошёл королевич во второй двор, выложенный мрамором: поднялся по лестнице, вошёл в караульный зал, где в два ряда стояла гвардия с ружьями на плечах. Прощёл он множество комнат, в которых лёжа и стоя спали придворные кавалеры и дамы. Наконец вступил в позолоченный покой и увидел на кровати с раздёрнутым пологом прекраснейшее зрелище: принцессу не то пятнадцатилетней, не то шестнадцатилетней и прелести ослепительной, небесной.

Королевич приблизился в смущении и, любуясь, стал возле девушки на колени. В эту самую минуту зарок пришёл конец. Принцесса проснулась и, смотря на него таким ласковым взором, какого нельзя бы и ожидать от первого свидания, сказала:

– Это вы, принц-королевич? Как же долго я вас ждала!

В восхищении, королевич не знал, как выразить свою радость и благодарность. Речи его были бессвязны, оттого они и пришлись принцессе по сердцу: чем меньше красных слов, тем больше любви. По всей вероятности, добрая волшебница, в продолжение её долгого сна, приготовила её к свиданию приятными сновидениями. Так или иначе, часа четыре говорили они между собою, а не высказали и половины того, что было у них на сердце.

Тем временем все во дворце очнулись вместе с принцессой и принялись за свои дела. А так как спали они долго, то всем захотелось кушать. Старшая статс-дама, тоже голодная, как и все, громко доложила принцессе, что обед готов.

А после обеда, чтобы не терять времени, старший капеллан обвенчал их в дворцовой церкви.